

2011к
271

Некалендарный XX век

*В библиотеку
Лужинского Дома
от издателей,
авторов и
соредакторов,
конференции!*
Труфанов

Москва

Издательский центр «Азбуковник»

2011

ББК 81
УДК 821.161.1/063
Н 47

Некалендарный XX век

Координатор проекта *И. Григорович-Барсэл*

Ответственный редактор *С. Феоктистова*

Редактор *Е. Стручкова*

Обложка *Т. Лисицина*

Корректор *В. Евстигнеева*

Компьютерный макет и верстка *А. Давыдов*

390258

Н 47 Некалендарный XX век. — М.: Издательский центр «Азбуковник»,
2011. — 496 с. с иллюстрациями

ISBN 978-5-91172-043-8 © Издательский центр «Азбуковник», 2011

ISBN 978-5-905532-01-6 © ЛЕКСРУС, 2011

Слано в набор 20.05.2011. Подписано в печать 10.08.2011.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 200 экз. Заказ 5443.

Издательский центр «Азбуковник».
119180, г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 50/1, стр. 2.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140006, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403. Тел. 554-21-86.

Содержание

<i>В. Андреев.</i>	Мичуринский период жизни профессора В.В. Мусатова (1963–1978).....	5
1		
<i>Е. Иванова.</i>	Чуковский и Ахматова: лицом к лицу.....	21
	Анне Ахматовой: Приветственное слово	
	Корнея Чуковского.....	46
	Чуковский и Гумилев (К истории отношений)	51
<i>Р. Тименчик.</i>	Об одном источнике «Крокодила»	72
2		
<i>Н. Корнилова.</i>	И.Ф. Анненский на пороге «Некалендарного XX века» (царскосельские дни 1908 – 1909 годов)	84
<i>К. Финкельштейн.</i>	Класс Иннокентия Анненского.....	106
<i>Н. Ашимбаева.</i>	Некоторые царскосельские мотивы в поэзии Анненского (мифологические статуи)	118
<i>О. Рубинчик.</i>	«Там были розы...» тема розы у Иннокентия Анненского	127
<i>Н. Гамалова.</i>	Имя собственное в творчестве Анненского	140
<i>Т. Акимова.</i>	«Статуарность» и «танец» как драматургические приёмы организации действия в поэтической драме И. Анненского.....	157
<i>Г. Шелогурова.</i>	Мифологема поединка в вакхической драме И. Анненского «Фамира-кифарЕд»: архаические истоки и современный культурный контекст	168
<i>Г. Петрова.</i>	О «Театре Еврипида» Иннокентия Анненского	178
<i>М. Ариас-Вихиль.</i>	Французский символизм и русский декаданс: Иннокентий Анненский – переводчик Бодлера.....	191
<i>Н. Налегач.</i>	Поэтический диалог А. Кушнера с И. Анненским	216
3		
<i>Е. Кричевская.</i>	Тайна склепа семьи Горенко на Афинском кладбище (История самоубийства Андрея Горенко, чудесного спасения Марии Змунчила и рождения Андрея Горенко-младшего).....	226
<i>И. Григорович-Барсэл.</i>	Тема «невстречи» в «Поэме без героя» Анны Ахматовой.....	238
<i>Т. Пахарева.</i>	Сюжет «моления о чаше» в поэтической идеологии и мифологии А. Ахматовой	247
<i>О. Северская.</i>	«На пороге двух миров» (о прагматической переменной ЗДЕСЬ в творчестве И. Анненского и А. Ахматовой).....	256

А. Грачева

Санкт-Петербург

Алексей Ремизов и русские диаспоры

Чехословакия

Алексей Михайлович Ремизов уехал из Советской России в день смерти Александра Блока — 7 августа 1921 года — в командировку, как было написано в его прошении властям, для поправки здоровья и наблюдения за изданием своих книг за границей. Маршрут его поездки был следующим — через Таллинн (Ревель) в Берлин. Оттуда в конце 1923 года, не получив из России ответа на просьбу о возвращении на Родину, писатель переехал в Париж, где и прожил почти безвыездно до своей смерти в 1957 году.

Работа с архивным наследием Ремизова периода эмиграции, прежде всего с его эпистолярным наследием, рассредоточенным между архивохранилищами России, Франции и США, показала, что контакты писателя с представителями русских диаспор разных стран устанавливались и продолжались, в основном, несколько огрубляя и укрупняя параметры деления, по следующим направлениям:

во-первых, деловая переписка, касавшаяся финансовых дел Ремизова (получения субсидий, материальной помощи и т.п.);

во-вторых, переписка, посвященная вопросам издания книг и отдельных произведений писателя, а также их переводам на иностранные языки;

в-третьих, эпистолярное развитие старых дружеских контактов, в значительной мере установленных еще в дореволюционное время, и новых, иногда возникавших из письма читателя автору, но затем длившихся годами;

в-четвертых, переписка, посвященная участию писателя в художественных выставках.

Наличие, в целом, прекрасно сохранившегося, хотя и разбросанного по разным странам архива писателя в дальнейшем позволит исследователям специально рассмотреть семантику и географию его эпистолярной части, огромной по количеству и богатейшей по со-

ставу. Подобный анализ позволит сделать ряд выводов, выходящих за рамки имманентного изучения творчества Ремизова, выводов, фиксирующих важные моменты внутренней динамики интеллектуальной жизни русской эмиграции Первой и начала Второй волны.

Чехословацкая республика не стала для Ремизова страной, приютившей писателя-эмигранта, однако с середины 1920-х и до начала Второй мировой войны его контакты с русской диаспорой в Чехословакии были одними из самых тесных и всеохватных по своей направленности.

Изучение и публикация архивных материалов, связанных с темой «Ремизов и русская эмиграция в Чехословакии», начались еще в 1969 г. в журнале «Československá rusistika»¹ с публикации Вадимом Морковиным отрывков из писем Ремизова к художнику Н.В. Зарецкому в статье «Приспешники царя Асыки». В дальнейшем были статьи и публикации Тани Чеботаревой, Татьяны Царьковой, Эльвиры Олоновой, Ирины Чистовой и автора настоящего доклада². Публикации и исследование конкретных взаимосвязей Ремизова с отдельными деятелями русской эмиграции в Чехословакии являются серьезной источниковедческой базой для изучения более общей историко-литературной и теоретической проблемы роли русской диаспоры в Чехословацкой республике в деле сохранения русской культуры, одной из составляющих которой была классическая литература. В этом плане фигура Алексея Ремизова важна для исследования данного вопроса как фигура литератора, к моменту его эмиграции уже признанного на Родине писателем-классиком.

Задача настоящего доклада — наметить некоторые основные векторы, по которым развивались взаимоотношения Ремизова и русской эмиграции в Чехословакии. Источниковедческая база доклада — материалы наиболее объемных переписок писателя с деятелями культуры, периодическими изданиями и учреждениями, относившимися к русской диаспоре на территории Чехословацкой Республики. Ныне эти архивные материалы хранятся в «Музее национальной письменности» (Прага), Архиве русской культуры Амхерст-колледжа (США), в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США), РГАЛИ (Москва), Рукописном Отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Часть переписки Ремизова посвящена получению им, начиная с середины 1920-х гг., финансовой помощи от Чехословацкого пра-

вительства, выдававшего денежное вспомоществование ряду крупных русских писателей. Посредником между сторонами стал ремизовский знакомый с 1910-х гг., историк литературы, этнограф, ординарный профессор Карлова университета и Русского свободного университета Евгений Александрович Ляцкий, который входил в Комитет по улучшению быта русских писателей в Чехословакии. Одна из основных тем его переписки с писателем 1920-х гг. — обсуждение возможностей получения стипендии для маститого литератора. В 1924 г. Ляцкий организовал приезд Ремизова с женой в Прагу и в Карловы Вары. Посещение Чехословацкой Республики было одним из условий получения вспомоществования, которое вскоре и было получено. Приведу отрывок из пражского письма Ляцкого от 9 мая 1925 г.: «Сообщаю, что вчера я исхлопотал для Вас в М<инистерст>ве иностр<анных> дел Чехословацкой Республики поддержку для вас, в размере 500 fr. ежемесячно <...>. Генеральному Консулу в Париже будет предписано в ближайшие же дни произвести первую уплату. Мне было тем дороже это внимание к русскому писателю, что я знаю затрудненное финансовое положение Республики»³. Вопросы о помощи Ремизову были также одними из центральных в пространных письмах к нему Надежды Федоровны (Филаретовны) Мельниковой-Папоушковой, литератора и переводчицы, проживавшей в Праге. Надо отметить, что Ремизов получал финансовую помощь от чехословацкого правительства вплоть до окончания Русской акции.

Чехословацкая республика была также местом, где активно публиковались и переводились произведения Ремизова. Среди периодических изданий русской эмиграции, где были впервые опубликованы части размонтированных самим писателем произведений большой экспериментальной жанровой формы, одно из главных мест занимает журнал «Воля России». В нем Ремизов интенсивно печатался с 1922 по 1931 г., т.е. на протяжении всего времени существования издания. Здесь публиковались главы и рассказы из книг «Взвихренная Русь», «Учитель музыки», «Ров львиный» («Плачужная канава»). Многочисленны письма к Ремизову редакции журнала и его соредактора М. Слонима. Также существенным было участие писателя в газете «Prager presse». На протяжении 1920-х гг. в ней появилось 16 переводов его рассказов революционного периода, далее вошедших в книгу «Взвихренная Русь», а также его переработок древнерусских апокрифов.

В 1925 г. возглавлявшееся Ляцким пражское издательство «Пламя» выпустило книгу Ремизова «3га. Волшебные рассказы», являющуюся авторской антологией произведений, корреспондировавших с эстетикой нового литературного направления во Франции, с представителями которого в это время сблизился писатель, а именно — сюрреализма. Для этого же издательства в 1925 г. он подготовил переработанную первую редакцию (1907 г.) своего романа «Пруд». Наборную рукопись сопровождало предисловие, написанное в стиле манифеста. В нем Ремизов фактически утверждал свой приоритет в создании прозаического сюрреалистического произведения и отстаивал свое право художника на создание романа нового типа, являющегося, в частности, антитезой классическому русскому роману XIX века⁴. Публикация «Пруда» в издательстве «Пламя» не состоялась по причинам, которые еще нуждаются в уточнении. Судя по письмам, Ляцкий выступал в защиту авангардного произведения. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Ремизова к своему пражскому корреспонденту от 14 апреля 1926 г.: «Вы были так милостивы, согласились взять “Пруд” и заступиться за меня перед “Пламенем”. Целое лето работы, смотрите! — Если “Пламя” все-таки не согласится немедленно печатать, а и не отвергая, откладывает до века <...> лучше уж пускай у меня будет лежать материал — прошу вернуть»⁵. Предисловие к «Пруду» было опубликовано Ремизовым отдельно, в журнале «Воля России»⁶, что еще более подчеркнуло манифестный характер текста, а публикация самого романа состоялась только в 2004 г.⁷

Среди долголетних дружеских эпистолярных контактов Ремизова с чехословацкими корреспондентами надо отметить его переписку со скромным преподавателем античных языков в русской гимназии г. Моравска Тшебова Вл. Перемиловским и художником Н. Зарецким. Самым старым было относившееся еще к 1900-м гг. петербургское знакомство Ремизова со студентом Университета и его поклонником Вл. Перемиловским. В 1921 г. в Берлине писатель познакомился с Зарецким. С этими именами связано участие Ремизова в проводившихся на территории Чехословацкой республики художественных выставках. В 1933 г. писатель представил свои произведения на подготовленной Зарецким в Праге выставке рисунков русских писателей.

Центральное место среди экспонатов, показанных Ремизовым, занимали многочисленные автоиллюстрации к книге «Взвихренная

Русь». Сохранившееся в письмах перечисление их названий позволяет сделать вывод о том, что создание изобразительного ряда «Взвихренной Руси» было для Ремизова, как и в других случаях, этапом работы над книгой — созданием ее, условно говоря, особой редакции в форме последовательной серии рисунков.

В начале 1934 года Перемиловский, помогая процессу возвращения изобразительных материалов Ремизова в Париж, организовал его персональную выставку в залах своей гимназии. Хранящиеся в Архиве русской культуры Амхерст-колледжа его пространные письма к писателю детально описывают как саму выставку, так и реакцию на нее зрителей. Эти письма произвели на Ремизова такое впечатление, что он, в свою очередь, пересказал одно из посланий своего поклонника в статье «Рисунки писателей»: «Картинок было до тысячи — “тюк-пуд”, и надо было этот пуд распределить, устроить и показать... В учительскую — самую большую комнату в гимназии — снесли все классные доски, поставили их в линию с небольшими интервалами и закрыли девятью черными одеялами, — так получился экран. Два огромных стола должны были принять альбомы, которые не уместятся на экране. Из женского барака нанесли все, какие там были горшки с цветами и зеленью. Сверху экрана спускался золоченый шнурок собственной позолоты, на высоте глаз шнурок обхватывал альбом петель и спускался, оттягиваемый кистью рябины. На экране были таким образом подвешены “Взвихренная Русь”, “Посолонь”, “Сказки”. В пролетах между досками экрана были подвешены отдельные листы — портреты Гумилева и В.В. Перемиловского. Четыре письма скорописью и грамоты. Параллельно экрану на широком лакированном столе были разложены все остальные альбомы, прикрепленные, чтобы их не возили по всему столу и не трепали: от одного края к другому было протянуто двенадцать шнуров, которые петлей обхватывали по два альбома — один для этой стороны, другой для той. За два дня выставки посетителей перебивало семьдесят; лупами очень пользовались...»⁸.

После 1931 г. книги Ремизова перестали издаваться, и продажа художественных альбомов своих рисунков стала одним из основных способов получения им средств к существованию. Принимая приглашение участвовать в пражской выставке, писатель был заинтересован эстетической стороной дела и помимо этого надеялся на реализацию своих рисунков, о чем он писал ее организатору — Зарецкому. Через последнего Ремизов также надеялся привлечь вни-

мание «Русского заграничного исторического архива» и «Русского культурно-исторического музея» к приобретению своих рисунков, а также сохранившихся у него архивных материалов — писем видных современников и исторических раритетов. Об этом свидетельствует, к примеру, его письмо Зарецкому от 9 ноября 1932 г.: «Николай Васильевич, подумайте. Сообразите: ничего не поделаешь, надо разговаривать с “казной”: не купит ли Народный музей — <...> письма Розанова, 3 письма Сологуба, 1 письмо Блока и сколько за это дали бы? И еще у меня петровские документы (об этом напишу подробно). И не знаю, сколько просить. Подумайте и напишите»⁹. Вопрос о продаже имевшихся у Ремизова документов в Прагу составляет одну из основных тем его посланий к Зарецкому 1933 г. Так в письме от 10 марта 1933 г. он уточняет, очевидно, по запросу Зарецкого, список хранящихся у него документов и выставляет желательную цену: «1) Альбом Розанова (23 документа, комментариев мой, портреты В. В.) — 2500 frc. (на этой цене остановился) / 2) Альбом Блока (1 документ) — 200 frc. / 3) —” — Сологуба (3 —” —) — 200 frc. / Есть письма (также альбом) Савинкова, Волынского, Вилькиной, (жены Минского), Кузмина, Прахова, Горького, Мережковского, Гиппиус, Алекс<ея> Толстого, Верховского, Рахманинова, Метнера, Прокофьева, Шмелева, Зайцева, Андрея Белого, Куприна, Чирикова, из иностранцев Romain Rolland. / Альбом «Взвихренная Русь» с деньгами и марками — 500 frc. / О моих рукописях (черновики и варианты): у меня 9 свертков, и вот я не знаю, и как их расценивать»¹⁰.

Переписка Ремизова с Зарецким является помимо прочего ценнейшим свидетельством того, какие архивные материалы имелись у писателя и как они предлагались им параллельно в два одинаково ценимые им архивохранилища русской культуры — пражский Культурно-исторический музей и московский Литературный музей, где покупку материалов у писателей осуществлял Бонч-Бруевич. В.Ф. Булгакову Ремизов, очевидно, предлагал купить и серию автоиллюстраций к «Взвихренной Руси». К сожалению, покупка предлагаемых материалов не была осуществлена ни пражским, ни советским музеями. Автографы писателей были распроданы Ремизовым по отдельности случайным покупателям-коллекционерам. Местонахождение ряда из них в настоящее время не известно. Такая судьба постигла, в частности, письмо Блока. Альбом, содержащий автографы В. Розанова, ныне находится в США. Исчезла и не приобретенная музеями серия автоиллюстраций к «Взвихренной Руси»,

однако в материалах Русского Культурно-Исторического Музея, хранящихся ныне в РГАЛИ, находятся фотографии, которые, как удалось установить, представляют собой любительские снимки с выставочных стендов, на которых экспонировались рисунки Ремизова к «Посолони» и «Взвихренной Руси». В частности, на них можно разобрать рисунки, изображающие Ленина, Троцкого и Савинкова. В архивной описи против рисунка, изображавшего Ленина, было помечено — «не выдавать». Очевидно, ремизовское стилизованное изображение вождя воспринималось как злобная эмигрантская карикатура. Возможно, это были, условно говоря, рекламные снимки, которые должны были ознакомить руководство Музея с материалами, которые предлагались на закупку. В дальнейшем от Ремизова музеем был получен только автограф повести «По карнизам», ныне хранящийся в личном фонде писателя в РГАЛИ.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что Алексей Ремизов активно печатался в пражских периодических изданиях, публиковал книги и переводы своих произведений в издательствах, выставлял изобразительные произведения на выставках, наконец, получал материальную помощь от чехословацкого правительства. Таким образом, не проживая на территории Чехословацкой республики, писатель являлся полноправным участником культурной жизни русской диаспоры в Чехословакии.

Примечания

- ¹ Československá rusistika. 1969. Roč. XIV. Č. 4. S. 178—186.
- ² См.: Письма А.М. Ремизова В.В. Перемиловскому / Подг. текста писем Т.С. Царьковой, вступ. ст. и коммент. А.М. Грачёвой / Русская литература. 1990. № 2. С. 197—235; Чеботарёва Т. К истории переводов А. Ремизова на чешский язык // Материалы международной конференции «Русская, украинская и белорусская эмиграции в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведённых исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Praha, 1995. Т. I. С. 338—343; Грачёва А.М. Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого. Пражский период // Материалы международной конференции «Русская, украинская и белорусская эмиграции в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведённых исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Praha, 1995. Т. I. С. 330—337; Письма А.М. Ремизова к Н.В. Зарецкому (1949—1951) / Подг. текста и коммент. И. Чистовой (при участии С. Денисенко) // Рисунки писателей: Сб. научных статей. СПб., 2000. С. 326—362.
- ³ Amherst Center for Russian culture. A. and S. Remizov papers.
- ⁴ Подробнее см.: Грачёва А.М. Французский сюрреализм и произведения «большой формы» Алексея Ремизова // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу 1920—1940. М., 2007. С. 90—99.
- ⁵ Музей национальной письменности. Фонд Е.А. Ляцкого.
- ⁶ Воля России. Прага, 1926. Кн. 8—9. С. 230—232.
- ⁷ Aleksei Remizov's Prud. The final text of the novel [Ремизов А.М. Пруд] / Edited by Roger J. Keys. Berkeley, 2004.
- ⁸ Статья Ремизова «Рисунки писателей» вошла в его книгу «Мерлог». Опул.: Ремизов А. Мерлог / Публикации А. Д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. Париж. 1987. № 3. С. 207.
- ⁹ Музей национальной письменности. Фонд Н.В. Зарецкого.
- ¹⁰ Там же.